

ЗАПИСКИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

В.Н.Андреевский, И.Е.Быховский

ПУТЬ К ИСТИНЕ

ГОСЮРИЗДАТ · 1961

В. Н. АНДРЕЕВСКИЙ, И. Е. БЫХОВСКИЙ

ПУТЬ К ИСТИНЕ

(Записки следователя)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва—1961

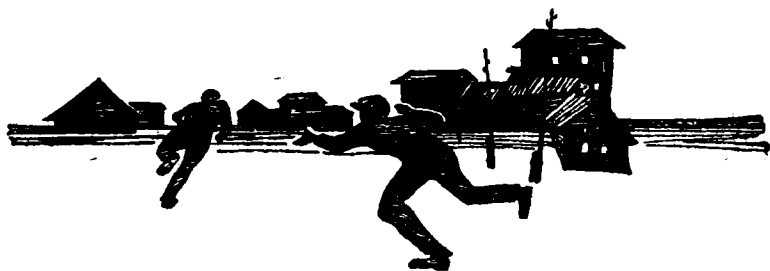
Андреевский Василий Николаевич,
Быховский Игорь Евсеевич
„ПУТЬ К ИСТИНЕ“

Редактор *В. М. Чикул.* Художник *Б. А. Дюдоров.*
Художественный редактор *И. Ф. Федорова.* Технический редактор *Н. В. Тимофеева.*
Корректор *Л. И. Ушанова.*

Слано в набор 27/1 1961 г. Подписано в печать 28/VIII 1961 г.
Формат бумаги 84×108¹/₂. Объем физ. печ. л. 1; условн. печ. л. 1,64;
учетн.-изд. л. 1,68. Тираж 50000. А-04927. Цена 4 коп. Заказ № 2178.

Госюриздат — Москва, Б—64, ул. Чкалова, 38—40.

Типография № 2 им. Евг. Соколовой УПП Ленсовнархоза.
Ленинград, Измайловский пр., 29.

— **И**МЕНЕМ Российской Советской Федеративной Социалистической Республики... — звучит отчетливый голос председателя суда.

С напряженным вниманием слушают люди отточенные фразы приговора.

Два дня рассматривал суд это дело. Позади допросы свидетелей и экспертов, речи прокурора, общественного обвинителя, адвокатов. Судебное следствие проведено настолько тщательно, что каждому понятны все обстоятельства дела.

Но далеко не все из присутствующих знают о том, какую поистине огромную и кропотливую работу необходимо было проделать органам дознания и следствия, чтобы суд имел возможность вынести справедливый приговор, основанный на бесспорных доказательствах.

* * * * *

Это произошло весенней ночью в небольшом городке на берегу Ладожского озера. С вечера не переставая моросил теплый мелкий дождик. Белесая кисея водяных брызг заполняла все вокруг. В сумерках белой ночи

можно было рассмотреть лишь очертания ближайших строений, а дальше все сливалось в сплошную туманную пелену.

Городок спал. Пройдет еще несколько часов и загудят у причалов буксиры, подъемные краны станут нагружать баржи, по улицам поедут грузовики, откроются магазины и город заживет своей привычной жизнью.

Но не все спали в городе. Горел свет в здании почты, освещены были окна районной больницы, в дежурной комнате милиции оперативный уполномоченный готовился к экзаменам на аттестат зрелости — происшествий нет.

Не спали и два сторожа, охранявшие на окраине города строящиеся дома. Вначале они несколько раз обошли свой участок, а когда дождь усилился и стало совсем темно, укрылись на крыльце недостроенного дома, выкурили по папироске и уже собрались было снова направиться в обход, как до них донеслись чавкающие звуки шагов и громкий, но неразборчивый разговор.

— Не воры ли? — шепнул один из сторожей другому.

— Брось, какие это воры. Были бы воры, так и шли бы погихоньку. Это просто пьяные.

Вскоре сквозь завесу дождя показались три человеческие фигуры. Их походка не оставляла сомнения в том, что эти люди были пьяны. Один из них все время пытался затянуть песню, а двое других о чем-то между собой говорили. Они миновали дом, на крыльце которого находились сторожа, и завернули за угол.

Все стихло. Сторожа, стараясь не шуметь, пошли в ту сторону, куда направились неизвестные. Они уже подошли к соседнему дому, как вдруг из него выбежал человек и быстро скрылся в направлении города. Второй появился позднее. Он побегал вслед за первым, причем два или три раза громко крикнул: «Подожди!»

Сторожа переглянулись.

— А ну-ка, Родион, зайдем в дом, а то третьего что-то не видно, не случилось ли чего?

Они вошли в дом и, когда один из них зажег спичку, в ее мерцающем свете увидели лежащего навзничь мужчину, одетого в морской бушлат. Лицо его было в крови.

— Не дышит, — сказал Родион, нагнувшись. — Петрович, давай быстро в милицию, вишь какое дело-то получилось...

— А ну-ка, начальник, — тяжело дыша, обратился Петрович к дежурному, — послушай-ка меня... Тут такое получилось... Убили ведь, наверно, его...

— Успокойся, отец. Что там у вас произошло?

— В недостроенном доме парня убили... Вся голова и лицо в крови... Родион там остался...

Через несколько минут к месту происшествия выехала оперативная машина, а дежурный докладывал по телефону в областное управление внутренних дел:

— В недостроенном доме, принадлежащем конторе «Ленлес», обнаружен труп мужчины с признаками насильственной смерти. На место происшествия выехали старший оперативный уполномоченный отделения уголовного розыска капитан Басалаев и проводник служебно-розыскной собаки старшина Кучаренко. По дороге они заедут за судебно-медицинским экспертом...

Так началось расследование этого уголовного дела.

Осмотр места происшествия не принес каких-либо существенных результатов. Убитому на вид было около тридцати лет. Никаких документов при нем не оказалось. Служебно-розыскная собака, обнюхав лежащие в беспорядке доски, на одной из которых было небольшое пятно крови, повела проводника из дома, но, пройдя несколько метров по мокрой земле, остановилась и, подняв морду, посмотрела на проводника, как бы говоря: «Ничего не поделаешь — дождь».

Судебно-медицинский эксперт осмотрел рану на голове убитого и высказал предположение, что, по всей видимости, убийство произошло недавно, около часа ночи, и что смерть наступила мгновенно в результате сильного удара, нанесенного в височную часть головы плоским предметом.

Несмотря на тщательность осмотра, других следов или вещественных доказательств обнаружить не удалось. Труп был направлен в морг для вскрытия. Работники милиции составили протокол осмотра и, взяв с собой доску со следами крови, вернулись обратно.

Утром в кабинете начальника городского отдела милиции состоялось небольшое совещание. Всем было ясно, что для раскрытия преступления прежде всего необходимо установить, кто убит. Для этой цели решили сразу же информировать о случившемся участковых уполномоченных, руководителей предприятий и учреждений,

дружинников, дворников с тем, чтобы они немедленно сообщили о факте исчезновения мужчины примерно тридцатилетнего возраста. Кроме того, на случай, если потерпевший не является жителем этого города, о происшествии сообщили в соседние районы.

На следующий день в милицию пришла женщина, которая заявила об исчезновении с баржи номер 1657 шкипера Симонова. На вопрос, кто она и кем приходится Симонову, женщина ответила, что ее фамилия Баринаова и она работает на барже Симонова матросом.

Бариновой был показан труп неизвестного. В убитом она признала своего сослуживца по барже Сергея Петровича Симонова. Всклипывая и часто вытирая кончиком платка слезы, Баринаова причитала:

— И кто бы это мог сделать? Не стало такого хорошего человека! Ах, Сережа, Сережа!..

Баринову допросили. Она рассказала, что Сергей Петрович Симонов пять лет плавал с ней на барже 1657. О его прошлой жизни она знает мало. Ей известно, что Симонов до войны жил в Горьком, потом служил в армии. После демобилизации окончил курсы шкиперов и последние годы жил и работал на барже. Семьи у него нет.

— Когда я видела его последний раз?.. — Баринаова повторяет вопрос и задумывается. — Сейчас вам скажу... Это было часов в пять накануне той ночи, когда он пропал. Пришел он на баржу с каким-то парнем, русский такой паренек, в гимнастерке. Оба немного выпивши были. Сережа сходил в каюту, принес бутылку красного вина, и мы ее все вместе выпили. После этого они ушли.

Русый паренек в гимнастерке... Сколько их в районе и городе. Они водят автомобили и тракторы, работают на заводах, учатся в школах рабочей молодежи. И среди них надо найти одного, который либо знает о последних часах жизни Сергея Симонова, либо причастен к тяжкому преступлению.

И работники милиции принялись за дело. Несколько раз Бариновой показывали молодых людей, похожих по приметам на человека, с которым ушел Симонов. Десятки фотографий просмотрела она, и, наконец, её взгляд задержался на маленькой фотокарточке. Он или не он? Капитан Басалаев затаил дыхание. Женщина еще раз внимательно посмотрела на фотографию.

— Он!

В тот же день в управление внутренних дел была пе-

редана телефонограмма: «...Опознанным оказался учащийся школы механизации сельского хозяйства Астахов Виктор Николаевич, 1934 года рождения, уроженец года Ленинграда, ранее судимый за хулиганство».

* * * * *

В кабинете начальника уголовного розыска двое: капитан Сергеев и Виктор Астахов, высокий блондин с маленькими бегающими глазками на испуганном лице.

Комкая в руках кепку, Астахов говорит:

— Никакого Симонова я не знаю... На баржу я не ходил... Ну, честное слово, ничего не знаю...

— Вы вообще когда-нибудь были на этой барже?

— Никогда не был, — отвечает Астахов.

— Хорошо, все это мы сейчас запишем.

Капитан заполняет протокол допроса и передает Астахову. Тот внимательно читает его и расписывается.

— Ну, а теперь, — продолжает Сергеев, — ознакомьтесь с протоколом опознания. Женщину помните? На барже вместе вино пили. Почитайте.

Астахов берет протокол и некоторое время как бы раздумывает, читать или не читать, затем пробегает глазами начало документа и неожиданно для Сергеева упавшим голосом глухо говорит:

— Ну, пишите. Я убил...

И в протоколе допроса появляются следующие фразы: «Не желая скрывать от органов расследования обстоятельства совершенного мною преступления и полностью осознав свою вину, хочу дать правдивые показания о том, как я убил Сергея Симонова. С Симоновым я познакомился в 1949 году, когда отбывал наказание в колонии «Мстинский Мост». В колонии Симонов постоянно издевался надо мной и однажды избил. Он освободился раньше меня, и до мая этого года я его не видел. Встретившись случайно с Симоновым, я вспомнил свои обиды и решил отомстить ему. Днем 25 мая мы выпили с ним в чайной, потом пили вино у него на барже, затем снова в чайной. Поздно вечером я пошел его провожать. По дороге завел в недостроенный дом и, пользуясь тем, что Симонов был более пьян, чем я, неожиданно ударил его доской по голове. Симонов упал, а я побежал домой. В момент нанесения Симонову удара, кроме меня и его, никого в недостроенном доме не было...»

Подполковник милиции Александров, коренастый, с военной выправкой мужчина лет сорока пяти, прочитал протокол допроса Астахова и, взглянув на капитана Сергеева, задумчиво проговорил:

— Признаться-то он признался, но радоваться пока рано. Соучастника-то мы еще не нашли. Ведь оба сторожа показали, что из дома выбежали два человека. Тут еще работать и работать. Астахов жил в общежитии? Поговорите-ка там с народом, возможно что-нибудь и прояснится. Действуйте. Желаю удачи.

Через три дня Сергеев снова зашел в кабинет подполковника Александрова.

— Все в порядке, товарищ подполковник, — второго установили.

— Как же это вам удалось?

Капитан Сергеев рассказал, что, беседуя с учащимися школы механизации, работники милиции узнали о некоем Алексее Осинцеве, соседе Астахова по общежитию. Осинцев, как выяснилось, выпивал в тот вечер в чайной с Симоновым и Астаховым. По словам Осинцева, в первом часу ночи он и Астахов пошли провожать Симонова на баржу. Около рынка им повстречался их знакомый, кочегар пассажирского парохода Анатолий Тюльпанов. Дождь в это время усилился, а Осинцев не взял с собой плаща. Поэтому он попрощался со всеми, вернулся в общежитие и лег спать. Ночью его разбудил Астахов.

— Лешка, — сказал он шепотом, — что же делать-то? Мы с Толькой Серегу убили!

В связи с этими показаниями Осинцева работники милиции решили разыскать и задержать Тюльпанова и провести очную ставку между Осинцевым и Астаховым.

Очную ставку проводил капитан Сергеев. Как только он предложил Осинцеву рассказать, что ему известно об убийстве Симонова, тот, глядя в глаза Астахову, твердо сказал:

— Ты уж, Виктор, говори правду. Знаешь, снявши голову, по волосам не плачут. Помнишь, как мы втроем вышли из чайной?

— Помню, — тихо ответил Астахов.

— А кого мы встретили около рынка?

— Тольку... Тюльпанова...

— Куда я пошел?

— В общежитие.

— А ночью ты мне рассказывал, как вы с Тюльпановым убили Сергея?

— Рассказывал...

— Ну, так и говори правду.

И Астахов тут же, на очной ставке, рассказал о том, как было совершено преступление. Когда Тюльпанов и Астахов шли вместе с Симоновым мимо строительного участка, Астахов сказал Тюльпанову, что хочет рассчитаться с Симоновым «за старые дела». Изрядно подвыпивший Тюльпанов обещал ему в этом помочь. Они завели Симонова в недостроенный дом и там убили его.

* * * * *

Астахов был заключен под стражу. Второй же соучастник преступления — Тюльпанов — скрылся от следствия. Нескольким человеком видели его вечером 25 мая, а на следующий день он как в воду канул.

Дальнейшее расследование дела районная прокуратура взяла на себя. Астахову было предъявлено обвинение, он был допрошен, ознакомлен с материалами расследования и предан суду. Что же касается Тюльпанова, то материалы в отношении его были выделены в отдельное производство и на него был объявлен розыск.

В судебном заседании Астахов подробно рассказал, как им совместно с Тюльпановым было совершено убийство Симонова. Суд приговорил Астахова к десяти годам лишения свободы.

Через два месяца работникам милиции удалось найти Тюльпанова, и он был арестован. Закончить расследование его дела прокурор поручил молодому следователю Николаю Тушину.

Тушин только что окончил юридический факультет университета и ему впервые пришлось расследовать дело об умышленном убийстве. Поэтому понятен тот интерес, с которым он ждал допроса Тюльпанова.

Нет, не таким представлял себе следователь Тюльпанова. Перед ним сидел молодой человек с одутловатым лицом. Взгляд его был устремлен куда-то вдаль, словно он не замечал присутствия Тушина. На вопросы отвечал, как правило, одним-двумя словами. Да, он знает Астахова и Осинцева. Встречался с ними. Вместе выпивали. Личных счетов между ними нет. Симонов? Впервые слышит. Убийство? Ни о каком убийстве ничего не знает.

— Почему вы выехали из города, где у вас были работа и семья?

Тюльпанов долго молчал. Наконец, он поднял голову и, посмотрев прямо в глаза следователю, сказал:

— Водка меня погубила. Пью я. Врачи говорили: не перестанешь — конец тебе...

— А все-таки, — перебил его следователь, — почему вы так неожиданно выехали из города?

— Правду сказать?

— Конечно, правду.

— Так вот... Стыдно мне стало. Вот и уехал. Куда глаза глядят. Понимаете, самого себя стало стыдно!

— Стыдно, что вы совершили преступление?

— Какое преступление?

— Убийство Симонова.

— Нет, гражданин следователь, никакого убийства я не совершал. Я не об этом. Понимаете, бросил я пить, стал жить как человек, жена всю одежду мне новую купила. Ну, и надолго ли меня хватило? Я скоро опять за старое. Все с себя снял, все продал и деньги пропил. Куда мне идти? Домой — совесть не позволяет. Вот и решил уйти, куда глаза глядят. Весь вечер шел. Потом вышел на какую-то станцию. А тут скорый поезд. Залез и поехал. Билета, конечно, не было. Гоняли, гоняли меня проводники, а в Медвежьегорске высадили...

«Хитер, — подумал следователь. — Бежал от самого себя. И не раньше, не позже, как в ночь на 26 мая. Хитер!»

— У вас были знакомые в Медвежьегорске?

— Нет, никого не было.

— Долго ли вы пробыли в этом городе?

— Два дня всего, а потом завербовался на север.

— 25 мая когда вы пошли на станцию?

— В восемь часов вечера.

— А когда пришли туда?

— Часов в двенадцать ночи.

— А сели в поезд?

— Примерно через час... Хотел на товарном ехать, он на станции стоял, комбайны разгружали, а тут пассажирский подошел.

Следователь неслучайно интересовался временем. Обвиняемый ссылаясь на то, что в час ночи, то есть в момент совершения преступления, он находился в другом месте, в силу чего не мог быть участником убийства. Подобное утверждение называется у юристов ссылкой на

алиби. Для того, чтобы установить, причастен или не причастен Тюльпанов к убийству, надо было проверить, правильно ли ссылается обвиняемый на алиби.

С точки зрения Тушина, это объяснение Тюльпанова выглядело наивно, но тем не менее следователь был обязан проверить правильность показаний обвиняемого.

Прежде всего Тушин решил установить, что делал Тюльпанов по приезде в Медвежьегорск. На допросе Тюльпанов сказал, что, сойдя с поезда, он сразу же пошел в милицию и подал заявление об утере паспорта.

— Паспорт у меня в пиджаке был, — как бы извиняясь, пояснил он, — а пиджак я пропил.

Следователь немедленно послал запрос в прокуратуру Медвежьегорска и попросил выяснить, имеется ли в делах городского отдела милиции заявление Тюльпанова об утере паспорта.

Вскоре Тушин получил из Медвежьегорска ответ на свой запрос. Вот и заявление Тюльпанова. В правом верхнем его углу стоит штамп с отметкой секретаря городского отдела милиции о приеме заявления 26 мая. Значит, бесспорно то, что 26 мая Тюльпанов был в Медвежьегорске. Но возможно, что в ночь на 26 мая он принял участие в убийстве Симонова, потом пошел на железнодорожную станцию, сел в поезд и приехал днем 26 мая в Медвежьегорск.

Все это нужно было детально проверить, и Тушин, придя на железнодорожную станцию, занялся розыском данных о прохождении через нее поездов в ночь на 26 мая. Его интересовали не только пассажирские, но и товарные поезда. Ведь на площадке товарного вагона тоже можно было добраться до Медвежьегорска.

Убийство по показаниям сторожей и данным акта судебно-медицинского исследования трупа Симонова было совершено около часа ночи 26 мая. Скорый поезд № 18 останавливается на станции в час тридцать минут ночи и через две минуты отходит от нее. Нет, на этот поезд Тюльпанов не смог бы успеть, если бы он совершил убийство, так как от места происшествия до станции около пятнадцати километров. Товарный поезд № 9864 прибыл на станцию в пять часов семнадцать минут, а отошел в пять часов двадцать пять минут. Тюльпанов мог бы успеть на него, даже если бы он совершил убийство. По просьбе следователя начальник станции по селектору запросил Медвежьегорск о том, когда туда прибыл поезд

№ 9864. Оказалось, что этот поезд прибыл в Медвежье-горск 26 мая в двадцать часов тридцать минут. Значит, если бы Тюльпанов выехал этим поездом, он не смог бы 26 мая подать заявление в милицию.

Таким образом, очевидно, что Тюльпанов выехал со станции скорым поездом № 18, прибывшим в Медвежье-горск 26 мая в двенадцать часов семнадцать минут. Еще один звонок по селектору. Да, 26 мая поезд № 18 прибыл на станцию Медвежьегорск в точном соответствии с расписанием в двенадцать часов семнадцать минут.

Но еще один вопрос интересует следователя. Выгружались ли на станции ночью 26 мая комбайны в момент, когда туда прибыл поезд № 18? Осмотр дорожных документов приводит следователя к выводу, что и в этом вопросе Тюльпанов его не обманывает. Факты бесспорно говорят о том, что он выехал в час тридцать минут ночи и не мог быть причастен к убийству Симонова.

Так, в результате тщательной проверки показаний Тюльпанова следователь установил его невиновность.

...Тюльпанов лежал на нарах в камере предварительного заключения и мучительно думал о том, как неудачно складывается его жизнь. Как ни странно, но мысль, что его могут осудить за преступление, которого он не совершал, совсем не тревожила его. «Разберутся,— думал он,— не может быть, чтобы не разобрались. Правда, следователь молодой, да вроде ничего парень... А водку пить брошу! Только выйду из тюрьмы — и все! Но зачем они на меня наговорили, что я им сделал?..»

...Следователь Тушин сразу же доложил о результатах расследования дела Тюльпанова районному прокурору. В тот же день в местное отделение милиции курьер доставил пакет, адресованный начальнику отделения. В верхнем правом углу пакета крупными буквами были написаны два слова, подчеркнутые красным карандашом. Документ принимается к исполнению немедленно, если на нем стоят эти слова. Они звучат как сигнал тревоги: «Срочно. Освобождение».

* * * * *

Установив невиновность Тюльпанова, следователь был вновь поставлен перед необходимостью найти второго преступника, участвовавшего в убийстве Симонова.

Что же нужно сделать для этого? Их было двое. Это бесспорно. Один из них Астахов, и он знает второго. Нужно во что бы то ни стало добиться от Астахова правды.

Тушин обратился к администрации колонии, где отбывал наказание Астахов, с просьбой допросить его еще раз об обстоятельствах дела, предъявив ему материалы о непричастности Тюльпанова к убийству. Ответ был неутешительным. Астахов снова заявил, что убийство он совершил один.

Нежелание Астахова давать правдивые показания, его категорический отказ выдать соучастника преступления поставили в тяжелое положение молодого следователя. Нужно было искать второго преступника помимо Астахова. Другого выхода не было.

И Тушин начал большую работу по установлению среди знакомых и товарищей Астахова того человека, который мог участвовать в совершении убийства. С помощью работников уголовного розыска следователь допросил многих учащихся школы механизации, но вся эта работа не дала никаких результатов. Не достигло цели и общее собрание учащихся школы, на котором Тушин выступил с краткой информацией. Беседуя с учащимися, он чувствовал их горячее желание помочь следствию, но, к сожалению, никто из них ничего не знал.

Прокуратура области внимательно следила за расследованием дела об убийстве Симонова. И когда возникло опасение, что молодому следователю будет трудно справиться с этим сложным делом, прокурор области Иван Михайлович Минаев решил лично ознакомиться с материалами расследования. Большой опыт и знания позволили ему обнаружить в деле, казалось бы, незаметные, но весьма существенные недоделки.

По показаниям Астахова он убил Симонова за то, что тот плохо относился к нему и избил его, находясь с ним в одной колонии «Мстинский Мост» в 1949 году. Но ведь Астахов родился в 1934 году. Значит, он утверждал, что, когда ему было пятнадцать лет, он находился в исправительно-трудовой колонии для взрослых. Но этого не могло быть, так как в то время он должен был отбывать наказание в детской колонии. Следовательно, Астахов говорил неправду о мотивах убийства.

...Однажды утром старший следователь областной прокуратуры Соболев был вызван в кабинет прокурора области Минаева.

— Доброе утро, Сергей Павлович. Хочу проверить еще раз ваши способности, хотя в них особенно и не сомневаюсь, — сказал Минаев. — Вот вам одно трудное дело, и я уверен, что вы с ним справитесь.

— Спасибо за доверие, Иван Михайлович.

— Я прошу вас тщательно ознакомиться с материалами дела, а вечером зайти ко мне и рассказать ваши впечатления.

* * * * *

Сергей Павлович Соболев уже десять лет работает следователем. Он очень любит эту работу, которая захватывает его своей разносторонностью. Соболев испытывает большое моральное удовлетворение каждый раз, когда ему удается, несмотря ни на какие трудности, добиться раскрытия сложного и запутанного преступления.

Тщательно изучив дело об убийстве Симонова, Соболев представил прокурору области план следственных мероприятий и приступил к их осуществлению. Первое, с чего он начал, это с запроса колонии «Мстинский Мост» о пребывании в ней в 1949 году Астахова и Симонова. Одновременно он вынес постановление о вызове Астахова из места заключения. Вскоре из колонии «Мстинский Мост» была получена телеграмма, в которой говорилось, что Астахов Виктор Николаевич и Симонов Сергей Петрович никогда в колонии наказания не отбывали.

— Да, любопытное дело, — сказал Минаев, прочитав телеграмму, — что же скажет по этому поводу Астахов? Кстати, скоро ли он к вам приедет?

— Жду со дня на день, — ответил Соболев.

— Не забудьте же рассказать мне о его допросе.

Через несколько дней в кабинете Соболева раздался телефонный звонок. Работники управления внутренних дел сообщили, что в тюрьму доставлен осужденный Астахов. На следующее утро Соболев уже допрашивал его.

— Я вызвал вас из колонии для того, — начал следователь, — чтобы еще раз попытаться выяснить некоторые обстоятельства вашего дела...

— А для чего? — перебил его Астахов. — Я во всем признался, получил срок, отбываю наказание, дело ясное, что вам еще нужно?

— Мне нужно, чтобы вы говорили правду. Скажите, Астахов, когда и за что вы были осуждены еще до убийства Симонова?

— В сорок девятом году, — нехотя ответил он. — По семьдесят четвертой, за хулиганство. Пацаном был, выпил лишнего и срок получил.

— Где вы отбывали наказание по первому делу?

— Я уже говорил: в Мстинском Мосту.

— Как же вы в пятнадцать лет попали в колонию для взрослых?

— Спросите у тех, кто меня туда послал, — угрюмо ответил Астахов.

— А я уже это сделал, — спокойно сказал следователь. — Неправду вы говорите, Астахов. В Мстинском Мосту вы никогда не были.

— Я-то лучше знаю, где я был и где не был. Говорю был, значит был. И вообще, что вам от меня нужно? Я убил Симонова, и на этом нужно поставить точку.

— Нет, точку мы поставим позднее. Вот, прочтите документ, который получен из Мстинского Моста, и вам придется признать, что вы обманываете следствие.

Взяв бумагу, Астахов прочел ее, потом зачем-то перевернул и молча вернул следователю.

— Ну что ж, Астахов, придется говорить правду.

— Да, врал я, — тихо начал Астахов. — Не сидел я с ним. Это верно. А убил я его. Это тоже верно. Но только не для того, чтобы отомстить... Выпили мы здорово... Поссорились. Замахнулся он на меня палкой. А я выхватил у него из рук эту палку и ударил по голове. Он упал, но я не думал, что убил его. Потом убежал домой. Пьяные мы были... Ну вот, теперь можно вам и дело кончать, а меня обратно в колонию, — Астахов безнадежно махнул рукой.

— Почему же вы раньше обманывали нас?

— А что мне говорить оставалось? Человека убил, а за что, сам не знаю. Стыдно это было сказать, я и придумал насчет колонии.

— А зачем вы Тюльпанова оговорили?

— Пристали ко мне тогда на допросах: кто да кто был еще с тобой, я и сказал на него. А сейчас говорю правду. Один я был, и Только Тюльпанова со мной не было...

Оставшись один, Соболев задумался. Кто же мог быть тогда с Астаховым? Ведь сторожа ясно видели два бегущих силуэта и слышали, как один из них несколько раз крикнул другому: «Подожди!» А Астахов, судя по всему, твердо решил не выдавать своего соучастника.

... — Плохи мои дела, Иван Михайлович, — сказал Соболев, входя в кабинет прокурора области. — Астахов скрывает второго преступника. А Мстинский Мост, как и следовало ожидать, оказался вымыслом.

— Да, дело трудное, и мне кажется, Сергей Павлович, что вам следует получше изучить личность Астахова, поскорее разыскать его родных, узнать у них о его жизни, друзьях. Быть может, это и явится ключом к установлению второго преступника.

* * * * *

На допросе Астахов говорил Соболеву, что никаких родственников у него не осталось. Усомнившись в правдивости этих слов, следователь дал задание сотруднику уголовного розыска капитану Спинову установить родственные и иные связи Астахова. Через два дня Спинову удалось выяснить, что в Ленинграде живёт сестра Астахова. Она была вызвана на допрос к Соболеву.

... — Моя фамилия Михайлова, — смущенно сказала молодая женщина, входя в кабинет, — вы меня вызывали?

Достаточно было одного взгляда, чтобы определенно сказать, что это родная сестра Виктора Астахова. Тот же высокий рост, те же русые волосы, те же крупные черты лица.

— Да, вызывал, Елена Николаевна, и по очень важному делу. — Соболев встал и придвинул стул поближе к письменному столу. — Садитесь. Как же получилось, что ваш брат совершил такое тяжкое преступление?

— С нехорошими людьми связался, — вздохнула Михайлова.

— А что это за люди? Расскажите мне, пожалуйста, о них подробнее.

— Плохо я знаю его друзей и только по именам, а фамилии мне неизвестны. Петр был у него дружок. Но этот, кажется, ничего парень. А другой его приятель — Лешка — очень мне не нравился. Видела я его, правда, только один раз и то пьяного. А что у них там получилось, я толком и не знаю. Осудили Виктора, да еще за убийство. Никогда не думала о таком позоре.

— Где работали эти Петр и Алексей?

— Где-то работали, а где — не знаю.

— А почему вы думаете, что Виктор пошел на преступление из-за приятелей?

— Я имела с ним свидание после суда...

— И что же он вам рассказал?

— Говорил, что не он совершил убийство, а Лешка. Потом он мне рассказал, что взял все на себя потому, что за групповое убийство дали бы больше. Когда же я спросила Виктора, зачем он взял все на себя, он махнул рукой и сказал: «Все равно, уж такая моя судьба».

— Не припомните ли вы чего-нибудь об этом Алексее?

— Очень мало я о нем знаю, но вот девушку, за которой он ухаживал в то время, я видела чаще. Да и Виктор ее хорошо знает. Если вы ее найдете, то, может быть, что-нибудь и выясните. Мне помнится, она говорила, что недавно уволилась с завода «Электрик». Ее имя я, к сожалению, не помню.

— Какие ее приметы?

— Она среднего роста, черненькая такая, лет ей около двадцати пяти.

— Может быть, у нее есть какие-либо особые приметы? — допытывался Соболев.

— Мне запомнилось одно слово, которое она очень часто повторяла в разговоре.

— А что это за слово?

— Слово «значит», только произносила она его неправильно, почему-то смягчала последнюю букву, и получалось у нее «значить».

— Что-нибудь еще вы не можете вспомнить?

— Нет, больше ничего сказать о ней не могу.

— Ну, что ж... — Соболев записывал последние показания свидетельницы.— Благодарю вас. Если будет нужно, я вас еще раз побеспокою.

Михайлова ушла. По своей профессиональной привычке Соболев попытался разбить все полученные сведения на ряд вопросов, которые необходимо разрешить. Правду или неправду говорит Михайлова, ведь она сестра осужденного? А может быть Астахов обманул ее на свидании, не желая сознаться перед сестрой в совершенном убийстве? А если все это правда, то кто же такой Алексей? И Соболев стал снова перечитывать дело.

Алексей Петрович Амелин, сторож? Нет, это не он. Виктор Алексей Михайлович, заведующий чайной, в которой в день убийства Астахов с Симоновым пили водку? Нет, не он. Осинцев Алексей Дмитриевич?.. Это тот самый знакомый Виктора, который допрашивался по

делу, это основной свидетель обвинения, на которого ориентировался суд, вынося приговор. А почему Осинцев так упорно изобличал в убийстве не только Астахова, но и Тюльпанова, невиновность которого теперь доказана?

Следователь еще раз углубился в показания Осинцева: «...По дороге, около рынка, я, Симонов и Астахов встретили кочегара Тюльпанова... Они остались втроем, а я пошел домой...» Так... А когда это было? Вечером, около одиннадцати часов 25 мая. Но в это время Тюльпанов был уже недалеко от железнодорожной станции и встретиться с Осинцевым не мог... А не Алексей ли Осинцев является одним из убийц, не он ли тот самый «Лешка», про которого говорила Михайлова?

Но это было только предположение следователя, ведь никаких доказательств виновности Осинцева пока нет.

«Сразу начинать с Осинцева рискованно, да и основной для этого мало, — думал Соболев. — Попробуем найти девушку, о которой говорила Михайлова. Может быть, она прольет свет на всю эту загадочную историю. Да, поработать придется. Ведь о ней почти ничего не известно. Когда-то работала на заводе «Электрик», брюнетка и говорит «значить». Вот и все».

* * * * *

Утром Соболев уже сидел в кабинете Медведева, председателя завкома завода «Электрик». Медведев, пожилой, лысеющий мужчина с живыми глазами и басовитым голосом, узнав о цели визита следователя, улыбнулся и развел руками.

— Ну что вы, разве можно найти девушку, которая сейчас на заводе не работает и про которую мы с вами только и знаем, что она брюнетка и говорить «значить».

Соболев нахмурился. Медведев встал из-за стола.

— Да вы не расстраивайтесь. Мы, конечно, поможем вам. Может быть, вам повезет и мы разыщем ее. Знаете что, — он посмотрел на часы, — у меня есть сейчас свободное время, и мы можем пройти по заводу и поговорить с прорабами нескольких цехов.

Они пошли по цехам. Но везде получали неутешительные ответы. Нет, никто не помнил брюнетку, которая часто повторяла слово «значить».

— Не унывайте, товарищ следователь, — сказал ему Медведев, когда они возвращались обратно. — Обязательно что-нибудь придумаем и девушку эту найдем.

Было решено напечатать в заводской многотиражке просьбу следственных органов об установлении личности брюнетки.

Через три дня Соболеву позвонил Медведев и сообщил, что к нему пришла работница восьмого цеха Васильева и рассказала, что у них в цехе очень непродолжительное время работала подсобницей некая Тося Рыжова, брюнетка, часто произносившая в разговоре слово «значить». Соболев узнал через отдел кадров завода адрес Рыжовой и вызвал ее на допрос.

Уже в начале беседы он убедился, что перед ним сидела та самая девушка, о которой говорила Михайлова.

Да, она знает Алексея. Фамилия его Осинцев. Познакомилась с ним случайно. Он за ней ухаживал и обещал по окончании школы механизации на ней жениться. Виктор Астахов она тоже хорошо знает. Припоминает, что Осинцев рассказывал ей о том, что Виктор арестован, но он не виноват и скоро будет освобожден. Потом она узнала от Осинцева, что Астахов осужден за убийство.

— Я спрашивала его, что же случилось у Виктора, и однажды, изрядно выпив, Алексей сказал мне: «Виктор в убийстве не виноват. Я его пострашал. Если он не признается, то я буду на свободе». Эти слова его были для меня как гром среди ясного неба. Я не знала, что эти люди способны на преступление. Я стала сторониться Алексея и, значить, вот уже несколько месяцев его совсем не вижу.

— А вы не переписывались с Астаховым?

— Один раз я получила от него письмо. В нем была одна фраза... Она меня очень испугала. Виктор, значить, просил передать Алексею, что он негодяй и если не напишет ему, то он дело повернет по-другому. Об этом я Алексею не говорила, ведь я больше его не видела.

— А где это письмо? — спросил Соболев.

— Выбросила. К чему мне его держать у себя?

* * * * *

— Знаете, Астахов, с чего я хочу начать сегодня разговор с вами? Мне бы хотелось, чтобы вы подробно рассказали о своей жизни, — приветливо сказал Соболев, надеясь расположить к себе допрашиваемого и поговорить с ним «по душам».

— Биографию что ли рассказывать? Невеселая она у меня. Родился в тридцать четвертом году. Жили мы

в Псковской области. Отец на железной дороге служил, а мать дома по хозяйству работала. Кроме меня, еще сестренка была. Когда началась война, отец ушел в армию. Потом немец пришел, три года мыкались. Думали, война кончится, отец вернется, полегче станет. За счастье считали, что нас немец в Германию не угнал. Как только от немцев освободили, сразу в школу пошел. А тут опять горе — получили известие, что отца на фронте убили. Четыре класса кончил, пошел в школу ФЗО. Вот тут-то я и споткнулся. Два года получил.

— Об этом расскажите, пожалуйста, поподробнее.

— В школе подружился я с одним парнем. Васькой его звали. А у Васьки старший брат был, он только что из тюрьмы вышел. Через него-то мы и попали. Подпоил он нас, мальчишек, а мы драку устроили, и милиционеру от нас попало. Судили по сямьдесят четвертой статье. Отсидел я около полутора лет и по амнистии освобожден. Как из колонии вышел, позаботились обо мне, на работу сразу же устроили. Потом решил специальность получить, пошел в школу механизации. А вот окончить ее и не пришлось... Попал в историю...

— Вот об этой-то истории мне бы и хотелось еще раз с вами поговорить. Ведь вы взрослый человек и должны трезво смотреть на вещи. Какой вам смысл выгораживать другого участника преступления? Вас было двое. Это доказано. Да вы раньше это и не отрицали. Только назвали не того человека, оговорили честного парня. Так кто же был второй?

— Еще раз говорю, один я был. Зачем других путать в это дело? Никого я не знаю...

— Зачем вы опять говорите неправду? Припомните, что вы писали Тосе Рыжовой и что вы рассказывали своей сестре на свидании после суда?

— Не помню я ничего. Давно это было.

— Тогда я постараюсь вам напомнить. Вы говорили сестре, что убийство совершенно не вами, а Лешкой?

— Не говорил я этого, выдумывает она.

— А с Тосей Рыжовой вы знакомы?

— Не припоминаю такую...

— Но вы ей писали про какого-то Алексея, называли его негодяем и угрожали, что если он вам не напишет, то вы дело повернете по-другому. Давайте вместе попробуем повернуть дело. Может быть, и к правде будем ближе.

— Устал я от этих разговоров. Подумать мне надо. Давайте лучше завтра встретимся.

— Такой молодой и устал. Не верю, Астахов! Отвечать вам не хочется. А зря. Может быть, своим заpiresательством вы спасаете более опасного преступника, чем вы сами.

— Устал я, — еще раз настойчиво повторил Астахов. — Что вам нужно? Виновного найти? Я виновен и срок отбываю.

— Да поймите вы, Астахов, что не это нам нужно. Мы не заинтересованы в том, чтобы один человек отвечал за преступление, совершенное другим. И если вы этого не хотите понять, то я приму все меры и без вашей помощи установлю истину. Начнем с очных ставок с вашей сестрой и Тосей Рыжовой. Врать они не будут и скажут все, что знают, вам в глаза.

Астахов задумался. Соболев не мешал ему. Он понимал, что в его душе сейчас идет борьба, и не хотел нарушать ход его мыслей своими вопросами.

— Сестренка здесь? — после длинной паузы спросил Астахов.

— Я разрешу вам встретиться. Но сегодня ее, правда, нет, а завтра она придет. Обещаю вам это.

— Ну, тогда завтра и поговорим.

— Зачем откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня? Вам давно пора рассказать правду.

— Вы и так всю правду знаете. Ничего я не скрываю...

— А Осинцева? — внезапно перебил Астахова следователь.

Заметив, что эта фамилия произвела на допрашиваемого впечатление, Соболев дал ему возможность собраться с мыслями.

— Пишите, — после долгого раздумья сказал Астахов. — Жалеть мне его нечего. Он ведь меня тоже не жалел... Но, по правде говоря, это ведь никому не нужно и ничего не изменит. Теперь уже поздно. Нельзя ничего доказать. Надо было раньше быть умнее.

— Почему вы так думаете?

— Вы же сами понимаете: нас было трое... Ночью... Один мертв, его не спросишь... Остаются двое. Я буду говорить одно, он — другое. А поверят ему, — убежденно закончил Астахов.

— Почему?

— Но ведь я же признался! И протоколы подписывал, и на суде говорил... А теперь скажу: я не виноват. Так мне и поверили! — Астахов зло усмехнулся. — В общем, это ни к чему. Одна волокита.

Он замолчал и вдруг, совершенно неожиданно, закрыл лицо руками и беззвучно заплакал.

— Успокойтесь, Астахов. Давайте-ка разберемся в том, что тогда произошло. С кем вы вышли из чайной?

Астахов вытер рукавом лицо.

— Мы вышли втроем, — начал он, — я, Осинцев и Симонов. Поверьте мне, я никогда не думал, что попаду в такую историю. Мы шли на баржу. Никакого Тюльпанова, конечно, с нами не было... Дошли до строительной площадки. Лешка и говорит: «Зайдем в дом, чтобы не мокнуть». Он уже тогда решил это сделать.

— Что сделать?

— Симонова убить и деньги взять. А я тогда еще подумал: «Дождик вроде небольшой, лучше поскорей до баржи добежать». Идем. Симонов немного вперед пошел, а я с Осинцевым поотстал. Он мне и шепчет: «У Симонова денег много. Тут никого нет. Давай у него деньги отнимем. Все равно он их потеряет». Я был пьяный и, не подумав, согласился. Зашли в дом. А Симонов все песню поет. Осинцев ему: «Замолчи!» А он не слушает и продолжает свое. Схватил его Осинцев, а он вырывается. В конце концов повалили мы его на пол, я за руки держал, а Осинцев из кармана пачку денег вынул. Как я увидел это, страшно мне что-то стало. Симонов на ноги поднялся. В доме-то темно, еле-еле человека различить можно. Я и не заметил, как Осинцев доску взял. Вдруг доска в воздухе мелькнула, и Симонов упал. Я сразу выбежал из дома, сам не свой. Бегу, а куда бегу, не знаю. Слышу, через некоторое время сзади Осинцев кричит: «Подожди! Подожди!» Не помню, как до общежития добежал. Там уже все спали. Прокрался тихо, чтоб никто не видел, и в кровать. Сердце так и стучит. Минут через десять Осинцев прибежал. Разделся, лег. Кровати наши рядом стояли. Я его спрашиваю: «Лешка, зачем ты?» А он: «Заткнись, дурак, завтра поговорим».

Астахов замолчал.

— Ну, а утром что было? — спросил Соболев.

— А утром Осинцев сказал мне, чтобы я брал всю вину на себя. Я и взял, дурак, на свою голову.

— Зачем же вы это сделали?

— А что мне оставалось? Осинцев говорил: «Если тебя задержат, вину на себя бери». Я спросил его: «Как же это так, ты ударил, а я вину на себя буду брать?» А он: «Ты на барже у Симонова был?» — «Был». — «Кто тебя видел?» — «Женщина одна, выпивали с ней вместе». — «Опознает тебя?» — «Наверное». — «Ну, вот ты и сел. А меня никто с ним не видел. Зачем же нам двоим садиться? А может повезет, и до нас не докопаются. А если кто нас втроем видел, то ты бери с собой по делу Тольку Тюльпанова, он вчера из города на Север уехал. А про меня забудь. Если вспомнишь — плохо тебе будет, в колонии сочтемся. Сумеешь удержать язык за зубами — посылки будешь получать и деньги. Время быстро пройдет. Вдвоем хуже по делу идти, больше срок дадут, а то еще и к расстрелу приговорят. Когда спросят, за что убил его, придумай что-нибудь. Ну, скажи, что в колонии вместе сидели. Бил он тебя». Вот как дело-то было! Не убивал я Симонова. А ограбить его по пьянке согласился.

— А Симонова откуда вы знали?

— Дня за три до этого с ним познакомился. Случайно, в магазине. Потом как-то в кино его увидел. А в тот день он меня на баржу к себе позвал. Часов в пять вечера я у него был. На барже мы с ним и с женщиной-матросом бутылку вина распили. А потом в город пошли, по магазинам ходили, Симонов костюм хотел себе купить. Искали, искали, так и не нашли подходящего. Тут Осинцев подвернулся. Мы все втроем к реке отправились, лодку взяли. Часа два катались. Потом в чайную зашли. Там до ночи и просидели. Опыанел Симонов. Хвастаться начал, пачку денег показал, тысячи две было. Вот тогда-то, наверно, у Осинцева глаза и разгорелись. «Пойдем, проводим его, — говорит, — помочь ему нужно дойти до баржи». Вот и помог он ему. И зачем я в это дело влез, сам не знаю...

Соболев подробно записал показания Астахова. Теперь уже не подозрение, а уверенность в причастности Осинцева к преступлению являлась основным содержанием всей дальнейшей работы следователя. Он уже почти не сомневался в том, что именно Осинцев был организатором и исполнителем преступления.

Осинцева нельзя было оставлять на свободе ни на одну минуту. Решение следователя одобрил и прокурор

области Минаев, который без колебаний санкционировал арест Осинцева. В адрес прокурора района была послана телеграмма о необходимости срочно задержать Осинцева. Через три часа из районной прокуратуры по телефону сообщили, что Осинцев месяц тому назад совершил разбойное нападение и скрылся.

* * * * *

В тот же день Соболев выехал в городок на Ладожском озере, чтобы на месте принять меры к розыску преступника. Вместе с ним поехал и капитан Спиров.

Приехав в город, они подробно ознакомились с обстоятельствами последнего преступления Осинцева. Оказалось, что около месяца тому назад он совершил нападение на почтальона и под угрозой ножа пытался отобрать у него сумку с деньгами. На крик почтальона прибежали люди, среди которых был и кочегар Маманкулов. Осинцев убежал, однако Маманкулов успел его опознать. Узнал Осинцева и почтальон, которому была предъявлена его фотокарточка. Преступник же исчез из города.

Первым делом Соболев решил произвести обыск у Осинцева в общежитии, а Спиров занялся установлением его связей в городе.

Через полчаса Соболев в присутствии понятых уже осматривал вещи, оставленные Осинцевым. Тщательно изучив содержимое чемодана и тумбочки, стоявшей у кровати, следователь спросил коменданта общежития, присутствовавшего при обыске:

— В этом доме есть подвал или чердак?

— Подвала у нас нет, а чердак большой и теплый. Мы там белье сушим.

— Пройдемте-ка туда, — предложил Соболев понятым и коменданту. — Посмотрим, что там делается.

Забравшись по крутой лестнице на чердак, Соболев внимательно осмотрел помещение и убедился, что, кроме натянутых веревок для сушки белья и трех ларей с дровами, там ничего нет. «Не посмотреть ли в ларях?» — мелькнула у него мысль, и он попросил понятых и коменданта помочь ему выбросить из них дрова.

При осмотре одного из ларей Соболев обнаружил на дне его какой-то сверток, завернутый в газету. В свертке оказался вывернутый наизнанку, туго закатанный старый бушлат синего цвета.

Соболев спустился вниз, подошел к окну и при тщательном осмотре бушлата заметил на его лацканах и правом рукаве несколько пятен бурого цвета. Карманы бушлата были пусты. находка обрадовала следователя, хотя он еще не знал, принадлежит ли этот бушлат Осинцеву и являются ли пятна, обнаруженные на нем, пятнами крови.

Соболев составил протокол обыска и, бережно завернув бушлат в бумагу, захватил его с собой.

— Вы никак с добычей? — усмехнулся, увидя его, Спиров.

— Да, нашел бушлат. И если окажется, что бурые пятна на нем — это пятна крови и принадлежит он Осинцеву, то это будет важная улика по делу. Сегодня вечером займусь опознанием бушлата. А у вас как дела?

— Пока ничего интересного. Правда, есть кое-какие предположения, где он может скраться, но поработать еще нужно.

Много народу из общежития школы механизации побывало у Соболева, но ни один не мог твердо сказать, что найденный на чердаке бушлат принадлежал Осинцеву. Бушлат у него был, но все бушлаты, которые как сщцодежда выдавались учащимся, одинаковы, и этот бушлат тоже не имел каких-либо особенностей. «Неужели неудача? Каким же еще способом установить его владельца? — мучительно раздумывал Соболев. — Что бы еще сделать?» И он пришел к выводу о необходимости еще раз детально исследовать свою находку.

Понятым уже надоело смотреть, как следователь возится со старым бушлатом, выворачивая карманы и осторожно высыпая из них какие-то крошки, как ошупывает каждый сантиметр ткани. Но вот он достал перочинный нож и стал осторожно подпарывать левую полу бушлата. На чистый лист бумаги высыпалась пыль и вместе с ней упал зубец расчески коричневого цвета.

Соболев схватил телефонную трубку, набрал номер и взволнованным голосом сказал:

— Товарищ Спиров! Прошу вас, срочно сходите в общежитие, возьмите из тумбочки Осинцева обломок расчески и принесите его мне. Он лежит на верхней полке, я видел его там... Да, да. И как можно скорее.

И вот обломок расчески без нескольких зубцов на столе у следователя.

— Да, по цвету одно и то же, — осмотрев расческу и зубец, сказал Спиров. — Давайте-ка попробуем приложить. Может быть, нам удастся установить совпадение...

— Но нашего авторитета в данном случае мало. Придется провести криминалистическую экспертизу.

...Эксперты подтвердили предположение Соболева. Они нашли на расческе место отлома зубца и дали категорическое заключение о том, что зубец, обнаруженный в бушлате, составлял одно целое с обломком расчески, найденным в тумбочке Осинцева.

Одновременно биологическая экспертиза показала, что бурые пятна на бушлате являются пятнами крови человека.

* * * * *

Осинцев вышел из вагона, огляделся. На перроне царил обычная в момент прихода поезда суета. Пассажиры, многие из которых были с громоздкими вещами, спешили поскорее пройти в город, и при выходе с перрона образовалась пробка. Воспользовавшись сутолокой, Осинцев вытащил у одного из пассажиров бумажник, в котором оказались сто рублей, паспорт, военный билет и фотокарточка молодой женщины с двумя детьми.

Бумажник с фотокарточкой Осинцев выбросил, а деньги, паспорт и военный билет положил к себе в карман. Он понимал, что теперь оставаться в этом городе ему опасно, и тут же купил себе билет до следующей остановки поезда.

На станцию Рябово, где решил остановиться Осинцев, поезд пришел поздно вечером. Ночь Осинцев провел в зале ожидания, а утром ему удалось довольно быстро снять комнату в ближайшем поселке. Его хозяйка работала дояркой в соседнем совхозе. Ей он сказал, что фамилия его Шаповалов, зовут Андрей Иванович и что он хочет устроиться здесь на работу.

Оставшись один, Осинцев достал паспорт, осторожно отклеил фотографию Шаповалова и вместо нее приклеил свою. Хотя эта операция с его точки зрения была проделана довольно удачно, он все-таки не мог сдержать дрожь в руках, передавая хозяйке паспорт для прописки.

Осинцев прекрасно понимал, что ему нужно начать работать, чтобы его праздная жизнь не показалась подозрительной. Он каждый день решал, что завтра утром пойдет устраиваться на работу, но пока были деньги

оттягивал наступление этого момента. Целыми днями он бродил по поселку и частенько заглядывал в пристанционный буфет.

Недели через две Пелагея Егоровна, его хозяйка, неожиданно сказала:

— Андрей Иванович! А что вы не работаете? На инвалидности вы что ли? Или устроиться не можете?

— Болен я был, — буркнул Осинцев и сразу же ушел к себе в комнату.

На следующий день он пошел на стекольный завод и был принят на работу грузчиком.

Вечером он твердо решил не задерживаться долго в этом поселке и поскорее переехать куда-нибудь в другое место. «Немного поработать придется, — думал он, — без этого не обойтись. Если ничего не будешь делать, то наверняка возьмут на заметку».

Осинцев стал работать с шофером Грачевым. Это был молодой парень, одетый в кожаную куртку, плотно облегающую его коренастую фигуру. Подойдя к Осинцеву, он похлопал его по плечу и улыбаясь сказал:

— Здоровый парень! А раньше ты на погрузке работал?

— Работал, — хмуро ответил Осинцев.

Когда они вместе отправились в первый рейс, веселый по характеру Грачев, сидя за рулем, без конца рассказывал анекдоты. Заметив, что Осинцев ни разу не улыбнулся, Грачев спросил:

— Ты что такой скучный? Срок отбывал, что ли? — И, не получив ответа, продолжал: — Ты, парень, гляди на меня. Вот мы с тобой одного возраста, а я уже нашел свое твердое место в жизни. Пять лет как шофером работаю, женился, двое малышей у меня. Советую поступить в школу шоферов. Хорошая наша специальность...

Осинцев молчал. В душе он завидовал этому счастливому, жизнерадостному человеку, и к зависти примешивалось чувство злости.

Шли дни, похожие друг на друга. Осинцев работал с прохладцей, выполняя лишь то, что ему говорили. Он сторонился людей, по вечерам одиноко сидел в железнодорожном буфете и пропивал все то, что зарабатывал. Почти каждый день он возвращался домой далеко за полночь. Это не нравилось Пелагее Егоровне, и она решила поговорить со своим жильцом.

— Андрей Иванович, ну как тебе не стыдно! Живешь ты у меня месяц, а трезвым я тебя почти ни одного дня не видела, все пьешь и пьешь. Когда же бросишь?

— Умру, вот и брошу, — ответил Осинцев.

— Умереть-то нетрудно. Ты жизнь свою наладить должен. Ведь если будешь так жить, то какая от тебя польза?

— А кому до меня дело? Живу я сам для себя, никому не мешаю, никого не трогаю.

— Странный ты человек, Андрей Иванович! Ну, живи как знаешь...

Пелагея Егоровна вздохнула и ушла на кухню.

«А не уехать ли мне завтра? — думал Осинцев. — Надоело все, и работать опротивело. Хватит. Завтра на работу не пойду и двинусь в путь». Он оделся и пошел в буфет. Выпил там водки и, решив пораньше возвратиться домой, отправился обратно.

Недалеко от дома навстречу ему попалась пара — мужчина и женщина. Проходя мимо Осинцева, мужчина нечаянно задел его плечом. Осинцев был зол, и этот легкий толчок вывел его из себя. Громко выругавшись, он ударил мужчину по лицу. От неожиданности мужчина упал, а женщина громко вскрикнула и стала звать на помощь. Мужчина приподнялся, но Осинцев нанес ему второй удар по лицу. В этот момент кто-то схватил его за руку. Осинцев попытался освободиться, но это ему не удалось. Его крепко держали два молодых парня. Через несколько минут он уже был в отделении милиции.

«Вот и попался! Ну и дурак же я! — думал Осинцев, входя в камеру. — Как теперь выпутаться? Надо признать свою вину и раскаяться. Авось коллектив завода на поруки возьмет, а там на поезд и подальше отсюда!»

На допросе Осинцев говорил:

— Ударил я, верно... Рабочий я человек, ну, выпил, а он толкнул меня, и мне это показалось обидным. Никогда больше этого не допущу. Вы уж поговорите с заводскими ребятами, пусть они меня на поруки возьмут... Пить больше не буду... Простите меня, пожалуйста.

О хулиганском поступке Шаповалова доложили начальнику отделения милиции.

— Так что будем с ним делать? — обратился началь-

ник к оперативному уполномоченному. — Раньше он задерживался?

— Нет, но Шаповалов недавно живет в поселке.

— А раньше он чем занимался?

— Я еще точно не проверил... Вроде биография у него в порядке.

— Проверить нужно как следует. А по поводу его хулиганского поступка поговорите с общественностью завода. Они его знают лучше, пусть и решают.

...На собрании, обсуждавшем поведение Осинцева, он сделал все, чтобы показать себя полностью раскаявшимся. Однако его «искренность» убедила далеко не всех. После его выступления слово взял парторг транспортного цеха Сергеев.

— Не нравится мне, товарищи, Шаповалов. Скрытый он человек. Ведь до сих пор никто его по существу и не знает. Известно о нем только одно: пьет он почти каждый вечер, и все это видят. Он тут извинялся, каялся, но мне так и не ясно, за что он ударил человека, за что разбил ему лицо в кровь? Нет, не могу я ему верить. Недостоин он того, чтобы мы за него поручились. Подведет он нас.

Следующим выступил шофер Грачев.

— Странный человек Шаповалов, — сказал он. — Вроде еще молодой, а на самом деле как старик. Мрачный. Хмурый. Никогда не улыбается. Как будто зол на всех. Я вместе с ним работаю, о своей жизни ему рассказываю, а он как будто ничего не слышит и почти не отвечает. По-моему, что-то он таит в себе. В общем, ручаться за него трудно.

Мнение всех выступавших было единодушным: Шаповалова на поруки не брать. К такому же выводу пришло и подавляющее большинство собравшихся.

Новый удар ждал Осинцева по возвращении в милицию. Ему задали прямой вопрос:

— Скажите, как ваша фамилия?

— Шаповалов, — ответил тот, делая недоуменный вид.

— А зовут?

— Андрей Иванович.

— А где вы родились?

«Где я родился?» — мысленно повторил Осинцев, стараясь вспомнить место рождения Шаповалова.

— Что же вы не отвечаете на такой простой вопрос? Или вам легче сказать, где родился Осинцев?

— Я не понимаю, о чем вы говорите... А место моего рождения вы можете проверить по паспорту, — взяв себя в руки, ответил Осинцев.

— Мы все проверим, будьте спокойны.

* * * * *

Едва Соболев вошел в кабинет, как увидел на своем письменном столе долгожданную телеграмму, в которой сообщалось об аресте Осинцева.

... Он все отрицал. Он пробовал даже отрицать то, что является Осинцевым, и упорно называл себя Шаповаловым. И только после предъявления ему акта криминалистической экспертизы, установившей факт переклейки фотокарточки на паспорте Шаповалова, Осинцеву пришлось сознаться.

— Да, моя фамилия Осинцев. Я украл паспорт и военный билет у Шаповалова. Я виноват в этом и, если нужно, судите меня, — вызывающе сказал он.

Как только следователь заговорил об убийстве Сиимонова, Осинцев заявил, что он уже давал показания по этому делу и ничего добавить не может. По просьбе Соболева он повторил свои показания, назвав убийцами Астахова и Тюльпанова.

— Я не согласен с вами, — заметил Соболев. — Тюльпанов не причастен к убийству. В первом часу ночи 26 мая он находился на железнодорожной станции, и вы не могли его видеть в городе в полночь. Это установлено нами совершенно точно, и Тюльпанов полностью реабилитирован.

— Ошибку допускаете. Мне не верите — спросите у Астахова. Он ведь и следователю, и на суде говорил, как было дело.

— Что ж, могу вам прочитать и показания Астахова.

В то время как Соболев читал протокол, Осинцев делал вид, что последние показания Астахова его не интересуют. Окончив чтение, Соболев спросил:

— Правду говорит Астахов?

— Вы же сами знаете, что он врет. Сначала одно говорил, а потом другое. И все ложь. Нельзя ему верить.

— Хорошо, Астахов говорит неправду. Но у меня есть еще один вопрос к вам. Вы знаете Тосю Рыжову?

— Знаю, а что?
— Вы с ней в каких отношениях?
— Было время, гулял с ней. А потом разошлись.
— Как разошлись? Без скандала?
— Мирно разошлись.
— Давайте почитаем ее показания. Она утверждает, что вы ей однажды говорили: «Виктор в убийстве не виноват. Я его постращал. Если он не признается, то я буду на свободе...»

— Не было этого.

— Тогда поговорим лично с Рыжовой, — сказал Соболев и нажал кнопку звонка.

— Попросите, пожалуйста, свидетельницу Рыжову, — обратился он к вошедшему конвоиру.

Через несколько минут в кабинет вошла Рыжова и робко остановилась у двери.

— Проходите, садитесь, пожалуйста. Вот сюда... — Соболев поставил стул напротив Осинцева. — Скажите, вы знаете этого человека?

— Знаю, — ответила Рыжова, не глядя на Осинцева. — Встречались мы раньше...

— Вам что-нибудь говорил Осинцев о преступлении, совершенном Астаховым?

— Об Астахове мы, значить, два раза разговаривали. Первый раз Алексей мне сказал, что Астахов ни в чем не виноват и скоро выйдет на свободу. А во второй раз говорил: «Виктор в убийстве не виноват, и если он не признается, то я буду на свободе». Ведь правда, Леша, был такой разговор? — неожиданно обратилась она к Осинцеву.

— Врешь ты на меня, мстишь за то, что я на тебе не женился. Под суд пойдешь за вранье, да и я тебе это припомню, — со злостью сказал Осинцев.

— Бросьте запугивать! — повысил голос Соболев. — Говорите, был такой разговор?

— Не было, врет она все.

— Ну, что ж, так и запишем.

Соболев заполнил протокол очной ставки. Рыжова ушла.

— Так... Не хотите говорить правду... — Следователь открыл один из ящиков стола. — Скажите, Осинцев, это ваша расческа?

— Не знаю. Таких расчесок везде сколько угодно.

— Прочитайте протокол изъятия этой расчески и вы убедитесь, что она лежала в вашей тумбочке.

Осинцев молчал. Он лихорадочно старался сообразить, какое отношение к убийству может иметь расческа. И уверив себя, что нет никакого смысла отрицать принадлежность ему этого обломка расчески, он сказал:

— Дайте еще раз взглянуть... Да, это моя.

Когда Осинцев понял, какое отношение к делу имеет расческа, было уже поздно. Ему пришлось признать, что бушлат, найденный на чердаке, тоже принадлежит ему.

По просьбе следователя в кабинет ввели Астахова. Но очную ставку пришлось прервать. Осинцев заявил, что хочет дать по делу правдивые показания.

... Вскоре Верховный Суд РСФСР отменил по вновь открывшимся обстоятельствам приговор в отношении Астахова, а еще через несколько дней дело об убийстве Симонова с новым обвинительным заключением было представлено прокурору области Минаеву.

* * * * *

Чтение приговора близится к концу. Присутствующим ясно, почему суд пришел к выводу о виновности Астахова в разбое, а Осинцева — в разбое, убийстве Симонова и других преступлениях.

Одобрительные возгласы присутствующих покрывают заключительную часть приговора, которым Астахов приговорен к 8 годам лишения свободы, а Осинцев к высшей мере наказания — расстрелу.

Так закончилось дело об убийстве шкипера Симонова. Преступники найдены, разоблачены, наказаны. Истина восторжествовала. И в этом большая заслуга скромных, самоотверженных тружеников — работников милиции, прокуратуры и суда, посвятивших свою жизнь благородной и ответственной задаче — искоренению преступности в нашей стране.
